

М. В. Хоружая

Захоронения в ямах с подбоем Верхне-Салтовского катакомбного могильника (по материалам раскопок 1984–2012 гг.)

Основным погребальным сооружением для аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья является катакомба, состоящая из входного коридора-дромоса и погребальной камеры [1, с. 143–147; 2, с. 173–248; 3, с. 6–34; 4, с. 259–294]. Погребальная камера служила тем местом, куда помещались, согласно аланской погребальной традиции, тела умерших людей. Однако на памятниках салтово-маяцкой культуры отмечены единичные случаи отступления от этой традиции. На всех некрополях, где были вскрыты

значительные площади и исследовано значительное количество катакомбных захоронений, почти всегда встречаются погребения в простых грунтовых ямах или в ямах с подбоем [2, с. 255–259; 3, с. 34–42; 5, с. 566, 568; 6, с. 49–59; 7, с. 489; 8, с. 429–436]. Так, 23 погребения в простых грунтовых ямах были встречены на Верхне-Салтовском, Нижне-Дубянском, Дмитриевском, Маяцком и Ютановском катакомбных могильниках лесостепного варианта салтовской культуры, где они составили от 0,7 % (Верхне-Салтовский могильник) до 6,7 % (Ютановский некрополь) от общего количества исследованных на могильнике захоронений [1, с. 148]. Однако здесь не были учтены 18 ямных погребений, исследованные в 1984–2011 гг. на Верхне-Салтовском могильнике, и лишь недавно введенные в научный оборот [8, с. 429–436]. Число же открытых на этих могильниках погребений в ямах с подбоем исчисляется вообще единицами: три на Дмитриевском могильнике и четыре на Маяцком некрополе [2, с. 259; 3, с. 39].

Несмотря на многолетние работы, ученые пока не достигли единого мнения в вопросе интерпретации ямных и подбойных захоронений, открытых на территории катакомбных могильников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Так, 9 ямных и 3 подбойных погребения Дмитриевского могильника С. А. Плетнева рассматривала как такие, что были оставлены протоболгарами-изгоями [2, с. 255–259, рис. 115–117] или слугами и рабами из числа алан [9, с. 108–112]. Брахиокранность черепов и инообрядность погребенных послужили исследовательнице достаточными аргументами для подтверждения протоболгарской гипотезы. С критикой данных построений выступил Г. Е. Афанасьев. Исследователь отметил, что антропологическая характеристика погребенных в ямных могилах была ошибочной, и, следовательно, связывать с протоболгарами ямные погребения (априори и подбойные) Дмитриевского и Маяцкого могильников нельзя [1, с. 148]. Г. Е. Афанасьев предложил интерпретировать этническую принадлежность данных захоронений на катакомбных могильниках Подонцовья с учетом существования аналогичной погребальной традиции у населения Северного Кавказа в предсалтовское время [1, с. 149].

Грунтовые (ямные и подбойные) захоронения Маяцкого могильника были проанализированы В. С. Флеровым в соответствующих разделах его монографии [3, с. 34–42].

Погребения взрослых женщин в ямах (3 захоронения) исследователь счел возможным определить как принадлежавшие болгаркам, проживавшим в аланской среде, а детские ямные погребения (7 захоронений) — как индивидов, рожденных в смешанных браках, в котором отцом являлся представитель сообщества с катакомбным обрядом погребения, а матерью — представитель сообщества с ямным обрядом [3, с. 38]. В тоже время, этническую принадлежность 4 подбойных захоронений Маяцкого могильника, которые принадлежали взрослым индивидам (и мужчинам, и женщинам), исследователь так и не определил, хотя и отметил, что «следует пока отклонить и возможное предположение о подчиненном социальном положении погребенных в подбоях» [3, с. 39].

Все выше сказанное заставляет более детально рассмотреть захоронения в ямах с подбоями, исследованные в последние годы экспедициями Харьковского исторического музея под руководством В. Г. Бородулина и В. С. Аксенова на катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов. На Верхне-Салтовском некрополе с 1984 по 2012 г. было исследовано 9 захоронений в ямах с подбоями, 8 из них были обнаружены на участке главного Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-I) — по западному склону Симоненкового оврага и одно (№ 66) — на участке Верхне-Салтовского IV могильника (ВСМ-IV), расположенного на восточных склонах Нетечинского яра.

Захоронения в ямах с подбоем на ВСМ-I по количеству сопоставимы с открытыми здесь в 1984–1989 гг. погребениями в простых грунтовых ямах. Так, на 8 погребениях в ямах с подбоем (№ 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 14) пришлось 9 ямных захоронений (№ 1, 2, 5, 6, 8, 12, 15, 16, 17), тогда как на ВСМ-IV могильнике на одно открытое подбойное захоронение № 66 пришлось пять ямных погребений (№ 42, 63, 79, 86, 87) [8, с. 429–436]. Если на ВСМ-I погребения с подбоями, за исключением захоронения № 14, располагались также, как и исследованные здесь ямные погребения — на незначительном удалении (2–4 м) от левой боковой стенки дромоса конкретного катакомбного захоронения, с которым они были связаны. При этом с одной катакомбой может быть связано как одно, так и два захоронения в подбоях (№ 4, 10 — кат. № 41; № 3, 7 — № 46) (табл. 2). Тенденция размещать захоронения вблизи от левой боковой стенки дромоса характерна и для погребений в простых грунтовых ямах и для катакомб небольшого размера, содержащих только детские костяки [8, с. 430]. Только погр. № 66 ВСМ-IV и № 11, 14 ВСМ-I оказались не связанными ни с одним конкретным катакомбным захоронением. При этом погр. № 66 располагалось на краю исследуемого участка, образуя одну цепочку с рядом погребений в ямах (№ 59, 63, 64), расположенных по склону Нетечинского яра. Таким образом, можно отметить, что между погребенными в катакомбах и в ямах с подбоями Верхнего Салтова в большинстве случаев существовала тесная прижизненная связь. Подобная тенденция наблюдается и на других могильниках региона [3, с. 39].

Подбойные могилы Верхнего Салтова состоят из овальной или прямоугольной входной ямы, в длинной стене которой устроен подбой. При этом подбой мог быть устроен как в правой (погр. № 9, 10, 11) (рис. 2: 1, 2, 12), так и в левой (погр. № 3, 4, 7, 13, 14, 66) боковой стенке (рис. 1: 1, 9; 3: 1, 13; 4: 1, 30) могильной ямы (табл. 1). Подобная тенденция характерна и для захоронений в дромосах катакомбных сооружений Верхнего Салтова [10, с. 79]. Дно подбоя у 8 из 9 погребений располагалось ниже дна входной ямы. В погребении № 11 дно подбоя и дно входной находились на одном уровне (рис. 2: 2) Основные параметры погребений указаны в табл. 1, из которой видно, что соотношение входной ямы и подбоя позволяет разделить исследованные захоронения на три неравные группы. Первую группу представляет погребение № 4 (рис. 4: 30). Размеры подбоя, входной ямы и их соотношение в данном случае сопоставимы, а само захоронение является классическим примером подбойного погребального сооружения. Вторую группу образуют захоронения № 3, 10, 13, 14, у которых входные ямы значительно превосходят по размерам подбой, сделанные в их длинных стенках (рис. 1: 1; 2: 12; 3: 1, 13), а по разметам приближаются к дромосам небольших

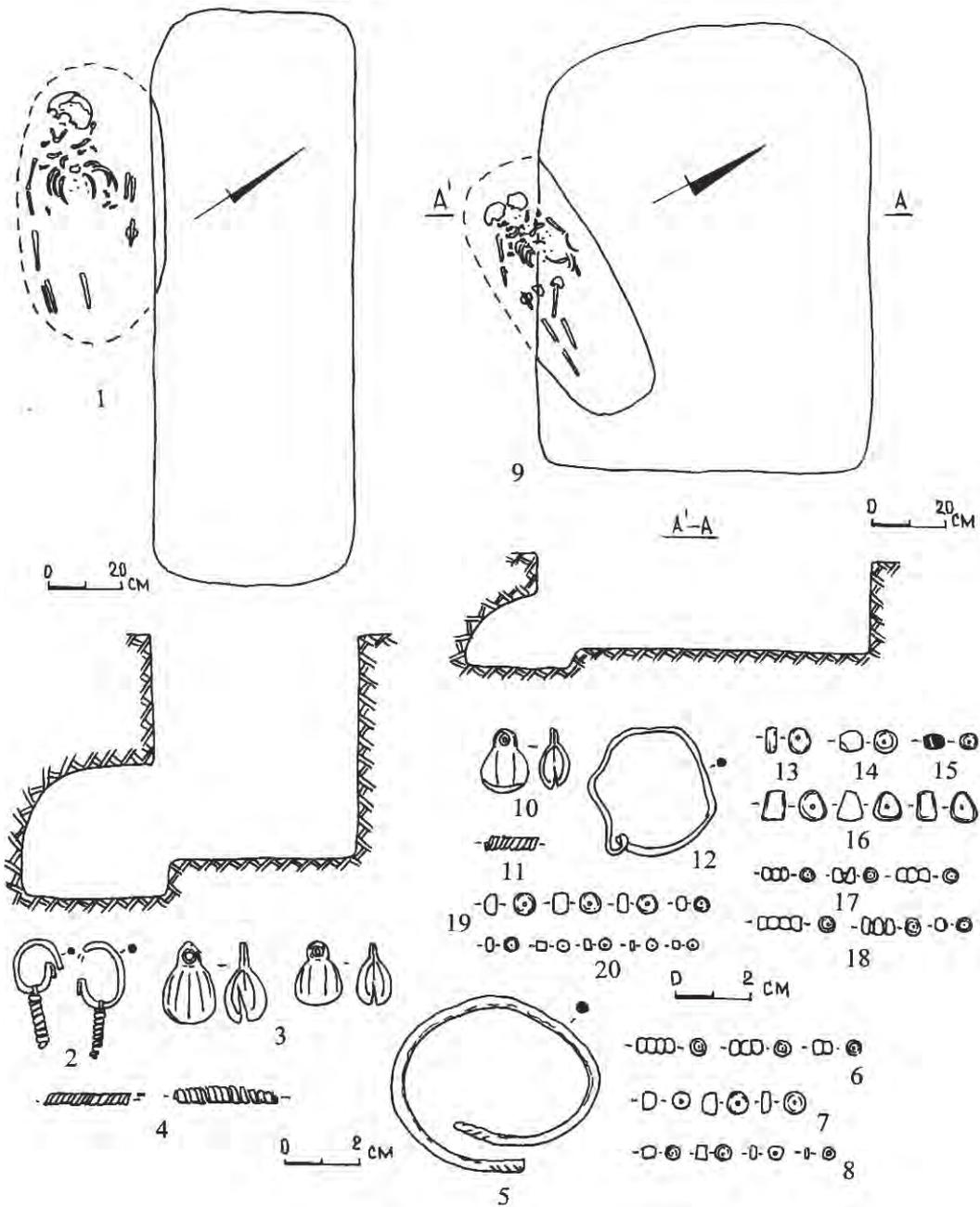

Рис. 1. Подбойные захоронения Верхне-Салтовского могильника:

1-8 – погребение № 3; 9-18 – погребения № 7

Fig. 1. Kerving burials of Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) burial cemetery:

1-8 – burial № 3, 9-18 – burial № 7

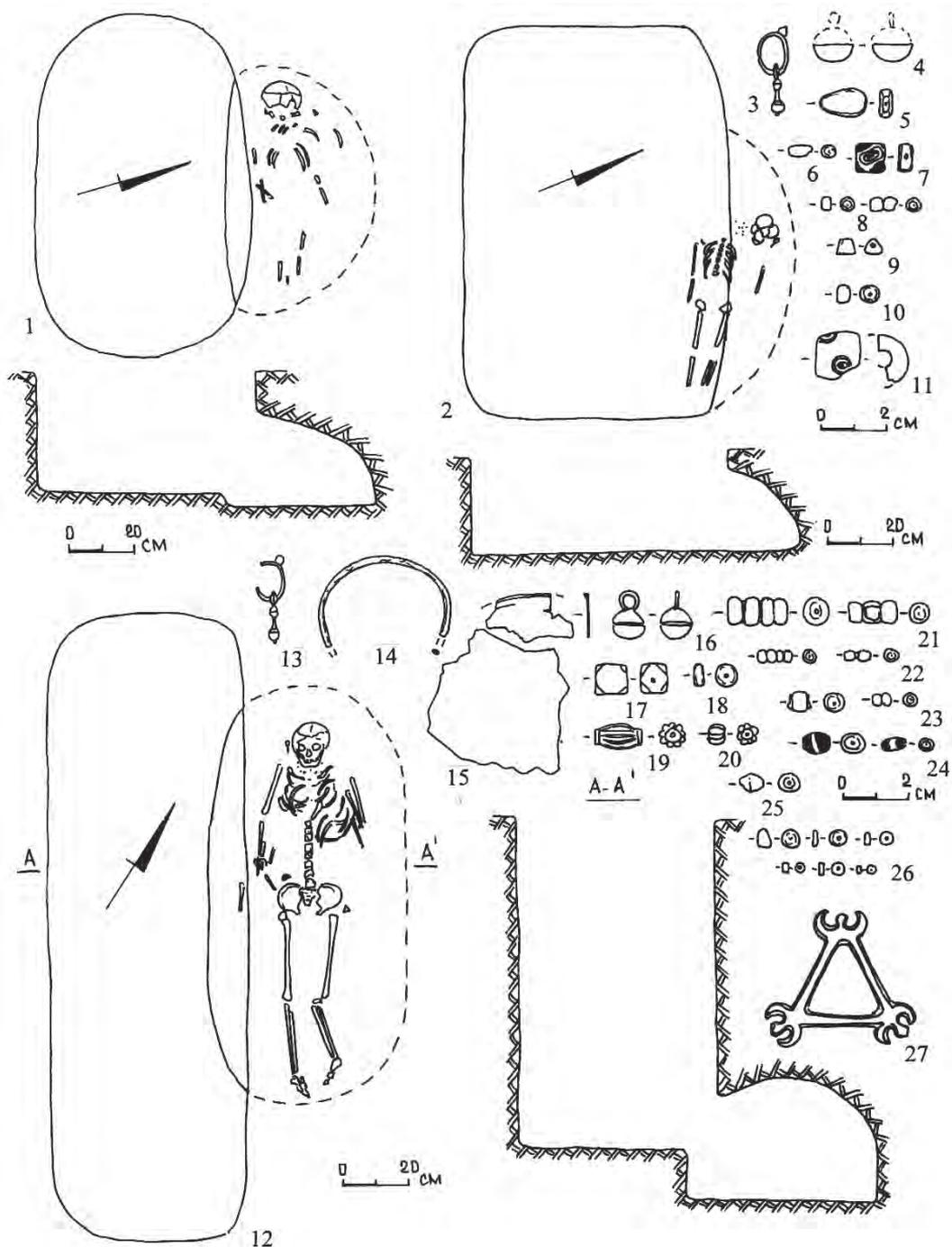

Рис. 2. Подбойные захоронения Верхне-Салтовского могильника:
 1 – погребение № 9; 2–11 – погребение № 11; 12–27 – погребение № 10

Fig. 2. Kerving burials of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial cemetery:
 1 – burial № 9; 2–11 – burial № 11; 12–27 – burial № 10

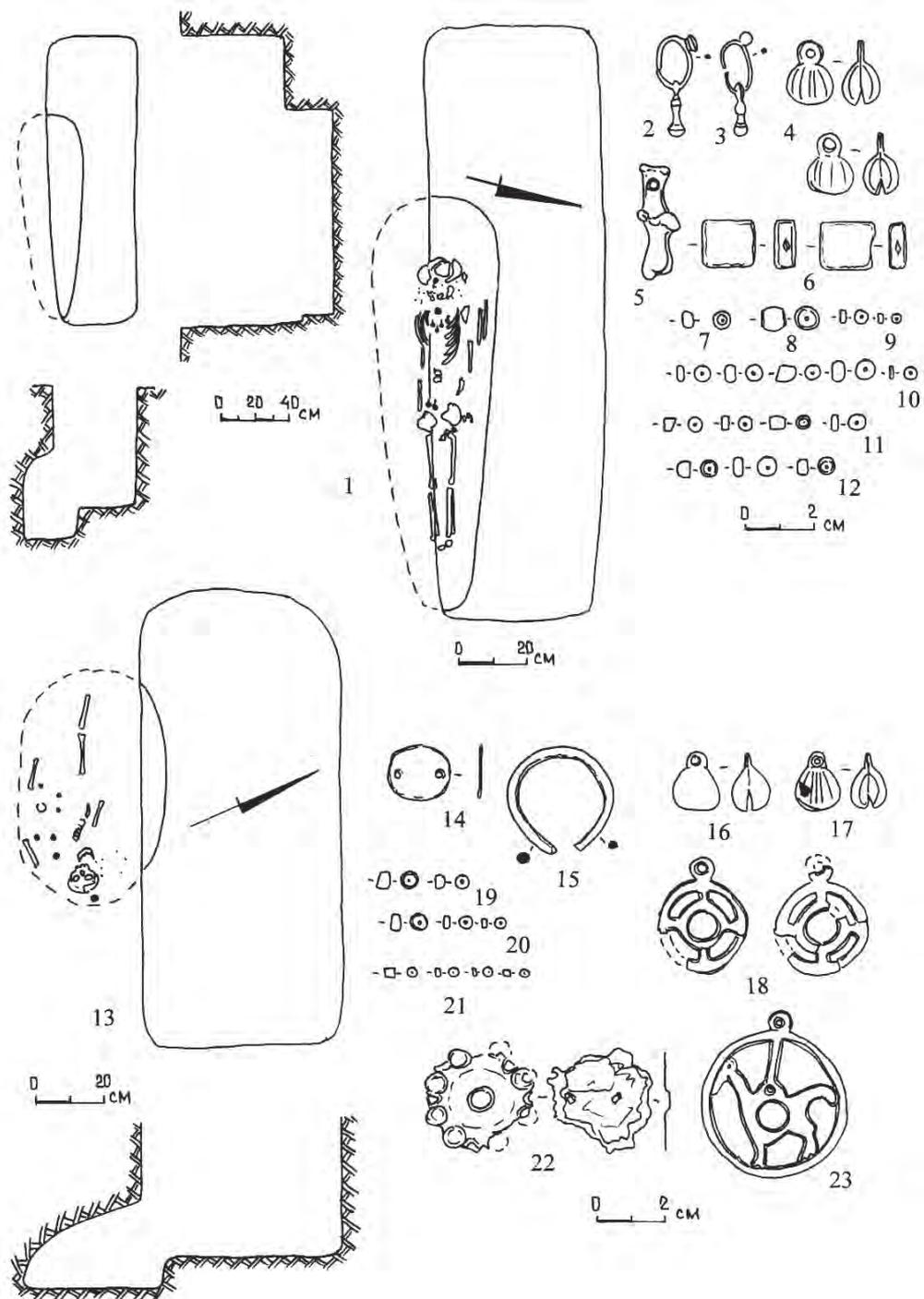

Рис. 3. Подбойные погребения Верхне-Салтовского могильника:
 1-12 – погребение № 13; 13-23 – погребение № 14

Fig. 3. Kerving burials of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial cemetery:
 1-12 – burial № 13, 13-23 – burial № 14.

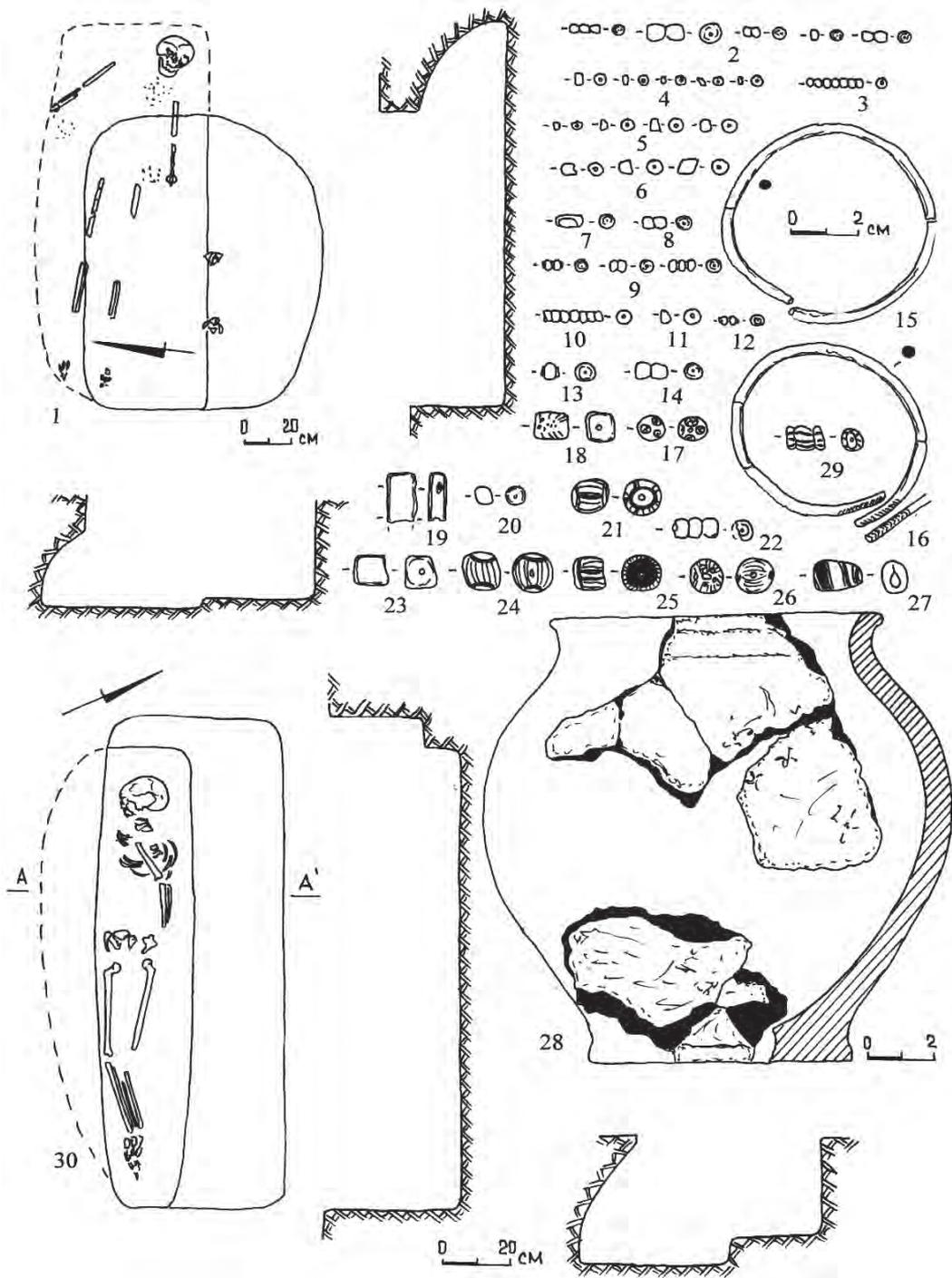

Рис. 4. Подбойные захоронения Верхне-Салтовского могильника:
1-29 – погребение № 66; 30 – погребение № 4

Fig. 4. Kerving burials of Verchne-Saltovskiyi (Upper Saltovskiyi) burial cemetery:
1-29 – burial № 66, 30 – burial № 4

по размеру катакомбных захоронений. Однако от дромосов катакомбных захоронений входные ямы данных погребений отличает отсутствие ступенек, входа-лаза и горизонтальное дно. В третью группу входят погребения (№ 7, 9, 11 ВСМ-I, № 66 ВСМ-IV), входные ямы которых по своей форме и размерам больше напоминают входные колодцы (рис. 1: 9: 2: 1, 2; 4: 1). Катакомбные захоронения с входными колодцами в виде колоколовидных ям известны по материалам Маяцкого селища [11, с. 45–80, рис. 18; 23: 1; 24: 1; 25: 1; 28: 131: 1]. Единичные катакомбы с дромосом в виде входного колодца, напоминающего простую хозяйственную яму были открыты и на Верхне-Салтовском некрополе (кат. № 16 ВСМ-III) [12, с. 7, табл. 7: 1]. При этом в погр. № 66 размеры подбоя значительно превосходят параметры входной ямы (рис. 4: 1; табл. 1), и если бы не ориентировка данного комплекса длинными сторонами входной ямы по склону Нечетинского яра, то его можно было бы рассматривать как катакомбное захоронение с дромосом в виде входного колодца с вертикальными стенками.

Так как погребения с подбоями были ориентированы в соответствии с рельефом местности и направлением дромосов близлежащих катакомб, то ориентировка покойников в данных захоронениях была обусловлена направлением склона яра. В 8 из 9 случаев покойники были уложены головами вверх по склону, и только в погр. № 14 костяк был ориентирован черепом вниз по склону (рис. 3: 13). В ямных захоронениях и в большинстве погребений в дромосах Верхне-Салтовского покойники также были уложены головой вверх по склону [8, с. 430, 431; 10, с. 79–80]. Возможно, с такой ориентировкой, отличной от других подбойных захоронений, как-то связано присутствие в инвентаре данного захоронения двух колесовидных амулетов из оловянисто-свинцового сплава (рис. 3: 18) и одного бронзового амулета с изображением грифона (рис. 3: 23). В других рассматриваемых захоронениях подобные амулеты отсутствовали. Костяки, ориентированные головой вниз по склону оврага, в единичных случаях встречались и в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова (например: кат. № 8 погр. № 3 из раскопок С. А. Семенова-Зусера 1946 г.; кат. № 75 погр. № 3 ВСМ-IV из раскопок В. С. Аксенова 2004 г.) [13, с. 124–125, рис. 7; 14, с. 10, табл. XIV]. Отличная от других захоронений ориентировка покойника в данном погребении предположительно может быть связана с характером смерти индивида.

Для большинства исследованных подбойных захоронений характерно одно положение костных останков покойников — вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами. Такая же поза покойников отмечена и в катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского могильника независимо от пола и возраста погребенных в них людей [15, с. 35]. Только в погр. № 4 поза погребенного отличалась от всех остальных исследованных подбойных захоронений (рис. 4: 30). В данном захоронении умерший подросток был уложен с полуразворотом на правый бок, со слегка согнутыми в коленях ногами, стопы ног сведены вместе. Череп погребенного покоился на правой височной кости и был обращен лицевым отделом на юг. Руки были вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтевом суставе. Положение костных останков указывает, что умерший, по-видимому, был завернут в саван (спеленут). Аналогичное положение тел умерших людей с разворотом лицом к югу (лицом к Кибле¹) при ориентировке покойников головой на северо-запад, при полной безынвентарности характерно для ранних мусульманских захоронений на салтовских памятниках Среднедонечья [16, с. 57–58; 17, с. 113–140; 18, с. 153–186; 19, с. 276–282; 20, с. 213–214, рис. 14, 15, 20, 21]. Эти же черты отмечаются исследователями и в ранних мусульманских захоронениях Волжской Булгарии [21]. Отличием данного захоронения от ранних мусульманских погребений Подонцовья и Волжской Бургарии является помещение тела умершего человека в подбой, тогда как на памятниках отмеченных регионов

¹ В исламе это направление на мусульманскую святыню Каабу в г. Мекка, соблюдаемое во время совершения молитвы и отправления ряда ритуалов.

доминируют простые грунтовые ямы с заплечиками. Однако, в мусульманской погребальной традиции допускается помещение завернутого в саван тела в яму со специально сделанным подбоем [22, с. 90–91]. Все это позволяет предположить, что погребение № 4, вероятно, следует связать с представителями населения Верхнего Салтова исповедовавшего ислам. Показательным является тот факт, что второе подобное погребение № 10, связанное как и рассмотренное выше захоронение № 4, с катакомбой № 41, принадлежало девочке-подростку, погребенной в соответствии с погребальной (языческой) традицией (рис. 2: 12), отмеченной в других подобных захоронениях Верхнего Салтова.

В отличие от подобных захоронений Маяцкого и Дмитриевского могильников, которые принадлежали взрослым индивидам, в подобных погребениях Верхне-Салтовского могильника были захоронены дети (6 случаев) и подростки 12–14 лет (3 случая) (табл. 1). Данный факт сам по себе уже не позволяет рассматривать данные захоронения как погребения представителей зависимого населения. Противоречит такой трактовке данных захоронений и тот погребальный инвентарь, который сопровождал умерших индивидов. Погребальный инвентарь присутствовал в 7 из 9 рассматриваемых погребений (табл. 2). В основном он представлен личными украшениями (бусы, браслеты, серьги, спиралевидные бронзовые пронизи), деталями одежды (бубенчики, пуговицы) и амулетами. Показательным, как нам представляется, является тот факт, что безынвентарными оказались только погребение № 4 и № 9 (табл. 2). Если отсутствие инвентаря в погр. № 4 обусловлено принадлежностью погребенного подростка к населению, исповедовавшему ислам (рис. 4: 30), то второго — объясняется возрастом ребенка (до 2 лет) (рис. 2: 1). Полное отсутствие инвентаря в данном случае, вероятно, следует рассматривать как свидетельство того, что умерший ребенок, по видимому, еще не прошел своей первой возрастной инициации. По этнографическим данным во многих традиционных культурах дети до первой инициации воспринимались как бесполое существа, которым еще не положены никакие атрибуты взрослых индивидов и орудия труда, так как они еще в полной мере не были включены в общественную структуру социума [23, с. 54]. После первой инициации, которая проходила в возрасте 3–5 лет, начиналось раздельное воспитание мальчиков и девочек, привлечение их, соответственно, к мужскому и женскому труду. С этого же возраста одежда уже шилась соответственно с полом ребенка [24, с. 183]. Переход в следующую возрастную группу (шесть и более лет) у многих народов мира сопровождался появлением в наряде ребенка таких атрибутов взрослого человека как серег, браслетов, ожерелий, деталей поясной гарнитуры [25, с. 135]. Подобная ситуация наблюдается в погребениях детей в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова, когда детей 5–6 лет уже сопровождает инвентарь, позволяющий определить пол ребенка, а также некоторые предметы хозяйственно-бытового назначения (ножи) [26, с. 288–294].

Аналогичная картина наблюдается и в рассматриваемых подобных погребениях, принадлежащих детям более старшего возраста, чем умерший ребенок из погр. № 9. Погребения девочек содержали пару бронзовых сережек (№ 3, 13) (рис. 1: 2; 3: 2, 3), тогда как мальчика сопровождала только одна сережка (погр. № 11) (рис. 2: 3). Во всех рассматриваемых инвентарных погребениях присутствует то или иное количество бисера (рис. 1: 7, 8, 19, 20; 2: 10, 26; 3: 9–12, 19–21; 4: 4, 5; табл. 2), бронзовые бубенчики, спиралевидные пронизи, бронзовые пуговицы (рис. 1: 4, 10, 11; 2: 4; 3: 4, 16, 17). По этнографическим материалам бисер в качестве украшения начинали пришивать к головным уборам уже маленьких детей, а с 4–6 лет — его еще и вплетали в волосы, из него делали повязки на шею [25, с. 135]. С этого же возраста детям надевали серьги, ожерелья, браслеты [25, с. 135]. Это мы и можем видеть в погр. № 3, 7, 10, 11, 13, 14 ВСМ-I и № 66 ВСМ-IV (табл. 2), в которых найдены серьги (рис. 1: 2; 2: 3, 13; 3: 2, 3), браслеты (рис. 1: 5, 12; 2: 14; 3: 15; 4: 15, 16), ожерелья из бус (рис. 1: 6–8, 13–20; 2: 5–11, 17–26; 3: 6–12, 19–21; 4: 2–6). Показательно присутствие в погр. № 14 бронзовой круглой бляшки

с двумя отверстиями (рис. 3: 14), а в погр. № 13 серебряной монеты¹, превращенной в нашивку, которые, по всей видимости, служили украшением налобной ленты. У аланского населения налобные ленты, украшенные 1–3 подобными бляшками-нашивками, были отличительной особенностью девочек, прошедших уже обряд инициации, но еще не достигших брачного возраста [27, с. 7, 62]. Брачным возрастом для девочек у осетин в XIX в. считалось 14–16 лет [28, с. 17], но в реальной жизни девочка могла быть отдана замуж и в 12 летнем возрасте. В эпоху средневековья возраст вступления девушек в брак у многих народов составлял 9–13 лет [24, с. 183; 29, с. 34].

Если для мальчиков с 7–8 лет количество украшений уменьшается (остаются только немногие), количество разнообразных украшений у девочек только увеличивалось. Причем с 9–12 лет многие девичьи украшения оказывались аналогичные изделия взрослых женщин [24, с. 183]. В погр. № 10 девочки-подростка, наряду с типичными детскими украшениями (бисер), уже присутствуют вещи, характерные для наборов взрослых женщин — зеркало и бронзовая треугольная «рогатая» пряжка (рис. 2: 15, 27). По нашему мнению, «рогатые» пряжки у аланского населения бассейна Северского Донца выступали символом Великой богини (подательницы жизни и благоденствия, прародительницы всего живого) и были связаны с идеей плодородия и изобилия. Они должны были способствовать успешному выполнению женщинами их детородной функции [30, с. 33]. Поэтому подобные «рогатые» пряжки являлись атрибутом костюма девушек, достигших брачного возраста, молодых не рожавших еще женщин, и женщин-матерей, находящихся еще в детородном по меркам раннего средневековья возрасте. Именно этой группе женщин и требовалось покровительство Великой богини, прародительницы всего живого и подательницы благ. В захоронениях женщин старшего и пожилого возраста «рогатые» пряжки не найдены, что, вероятно, было свидетельством перехода их из группы взрослых (полноправных) членов общины в группу стариков. В захоронениях детей «рогатые» пряжки также, по понятным причинам, не встречены [30, с. 36]. «Рогатые» пряжки, как нам представляется, входили в праздничный костюм верхнесалтовских женщин в возрасте от 9–13 лет (девушки-невесты) до 30–35 лет [30, с. 36]. Поэтому присутствие в наборе девочки-подростка из погр. № 10 «рогатой» пряжки следует рассматривать как указание на вступление данного индивида в возраст вступления в брак.

В еще одном погребении девочки-подростка (10–12 лет) — № 66 (ВСМ-IV) — вещи, находят полные аналогии в наборах личных украшений, характерных для убора детей старшей возрастной группы (рис. 4: 2–29). Весь набор состоит: из бус и бисера, украшавшего шею (рис. 4: 2–6); двух браслетов (рис. 4: 15, 16); бус, служивших, вероятно, самодельными браслетами для правой (рис. 4: 7–14) и левой (рис. 4: 17–27, 29) руки, соответственно. При этом состав бус в браслетах для разных рук различается. Особенно интересен набор бус, составляющих браслет для левой руки, состоящий из 12 бусин, большая часть из которых (8 экз.) является полихромными (глазчатыми, глазчато-полосатыми, полосатыми) (рис. 4: 17, 18, 21, 24–27, 29). По этнографическим данным у многих народов подобные самодельные браслеты из бус являлись необходимой частью детского костюма, выполняя роль своеобразных оберегов, предохраняющих ребенка от сглаза и для отведения всяких бед [25, с. 135]. В состав таких самодельных браслетов входили бусы, предотвращающие ту или иную беду. Так, например, у таджиков: бусины черного цвета с глазками оберегали от сглаза, бусы желтого цвета — служили, чтобы избежать желтухи, продолговатая бусина с зигзагообразными разводами должна была отводить беду [25, с. 130, 135]. Вероятно, роль оберега от бед и болезней выполнял и самодельный браслет из бус, украшавший левую руки девочки-подростка из погр. № 66. Возможно, что браслет из мелких монохромных бусин, украшавший правую руки девочки из данного захоронения (рис. 4: 7–14), также был не просто украшением,

¹ Дирхем наместника Табаристана Омара, отчеканенный в 129 г. х. (780 г. н. э.).

а выполнял определенную охранительную функцию. Так, например, у туркмен, если в семье часто умирали дети, оставшимся живым детям на обе руки одевали самодельные браслеты из одноцветного бисера [24, с. 184].

В целом погребальный инвентарь рассматриваемых захоронений свидетельствует об относительном имущественном равенстве семей, к которым принадлежали умершие дети и подростки. Разное количество украшений в погребениях детей одного возраста, скорее всего, иллюстрирует тенденцию, когда количество украшений находится в прямой зависимости от состояния здоровья ребенка и количества детей в семье. Болезненного или единственного ребенка в семье зачастую сопровождает множество самых разнообразных украшений-оберегов, которые в некоторых случаях носились иногда до 15–18 лет [24, с. 183]. Захоронением такого ребенка и является погр. № 14, в котором присутствовало целых три амулета-оберега (рис. 3: 18, 23), крупные бляшки (рис. 3: 22).

Так как погребальный инвентарь в рассматриваемых подбойных захоронениях находит самые широкие аналогии в аланских древностях салтово-маяцкой культуры и хазарского времени Северного Кавказа [2, рис. 97, 56–58, 60, 63, 65, 67; 31, с. 135, рис. 1: 10; с. 163, рис. 6: 42], то в этническом плане данные захоронения следует рассматривать как аланские. Вопрос определения этнической принадлежности подбойных захоронений и их соотнесения с катакомбными погребениями в сармато-аланской археологии уже нашел свое отражение в литературе [3, с. 40; 32, с. 151–159; 33, с. 136]. В свете этого хочется отметить, что на сармато-аланскую принадлежность подбойных захоронений Верхнего Салтова с одной стороны указывает подобность входных ям некоторых из рассматриваемых захоронений с дромосами небольших и неглубоких катакомб, а с другой стороны — присутствие на Верхне-Салтовском могильнике подбоев, сделанных в одной из боковых стенок дромосов [10, с. 79–80]. При этом и подбойные захоронения и погребения в подбоях, сделанных в одной из длинных стенок дромоса, на Верхне-Салтовском могильнике планеграфически оказались связаны в большинстве случаев с конкретной катакомбой, образуя с ней единый прижизненный комплекс. Расположение погребений детей и подростков не в катакомбе, а в погребальном сооружении другой конструкции (в простой грунтовой яме; в яме с подбоем; в подбое, сделанном в одной из длинных сторон дромоса), на некотором удалении от катакомбных захоронений их родственников, по-видимому, следует объяснять характером смерти ребенка. Неестественная (преждевременная) смерть у многих народов рассматривалась как веская причина, не позволяющая хоронить умерших по устоявшимся канонам погребального обряда. Так, у осетин умерших от оспы детей не оплакивали и хоронили отдельно [34, с. 74]. Поэтому детей, погребенных в подбойных могилах на ВСМ-I и ВСМ-IV, следует считать представителями аланского этноса, смерть которых была преждевременной и, возможно, была связана с какой-то болезнью или несчастным случаем. Тезис О. Б. Бубенка о том, что дети, родившиеся в межэтнических браках (муж алан, жена — представительница другого этноса), могли после своей смерти хорониться их матерями в соответствии с обычаями ее предков — в отдельной простой грунтовой яме или яме с подбоем [6, с. 54], не может нами быть принят. По данным этнографии, в большинстве традиционных культур мира, в том числе и у народов Северного Кавказа, дети принадлежали только отцу и в случае развода всегда оставались с отцом [28, с. 48]. Поэтому детей от мужа алана и жены другой этнической группы должны были хоронить в соответствии с аланскими погребальными традициями.

Таким образом, рассматриваемые захоронения Верхне-Салтовского некрополя мы склонны связывать с аланскими детьми, которые были помещены в соответствии с погребальными обычаями сармато-аланского населения в подбойные могилы. На выбор погребального сооружения, по нашему мнению, в данном случае повлияла преждевременная смерть индивидов, вероятно, связанная с какой-то болезнью или несчастным случаем.

Этническую принадлежность подростка из погр. № 4, захороненного в соответствии с мусульманской погребальной традицией, из-за отсутствия антропологических данных установить не представляется возможным. Можно только предположить, что данное погребение принадлежит представителю зависимого населения, находящегося в составе патриархальной аланской семьи. По этнографическим данным переселение на новые земли у алан осуществлялось малыми семьями, а на новом месте поселения наблюдалась тенденция к их разрастанию в большие патриархальные семьи, что было обусловлено хозяйственной необходимостью [28, с. 10]. Поэтому можно предположить, что, переселившись на новые земли, аланы для более продуктивного ведения хозяйства могли использовать представителей других этнических групп (праболгар, славян и др.) в качестве домашних рабов. Хоронили их, по-видимому, вне катакомб, но рядом с могилами своих хозяев, в отличие от взятых в жены уведом представительниц других этнических групп. Последние погребались в камерах семейных катакомбных захоронений, в соответствии с погребальными обычаями их мужей (алан) [35, с. 242–258].

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Верхний Салтов, погребения в яме с подбоем, катакомбный могильник, аланы.

Таблица 1

Параметры подбойных захоронений

№ погр.	Кат. №	Входная яма					Подбой					Погребение	
		форма	дл. м	шир. м	гл. м	ориент.	справа	слева	дл. м	шир. м	выс. м	ориент.	возраст
№ 3 ВСМ-I	№ 46	П	1,55	0,55	0,6	ЮВ—СЗ		+	0,75	0,4	0,35	СЗ	3–4 года
№ 4 ВСМ-I	№ 41	П	1,55	0,55	0,3	ЮВ—СЗ		+	1,45	0,45	0,38	СЗ	12–14 лет
№ 7 ВСМ-I	№ 46	П	1,2	0,9	0,25	ЮВ—СЗ		+				З	3–4 года
№ 9 ВСМ-I	№ 52	О	1,05	0,65	0,37	ЮВ—СЗ	+		0,75	0,45	0,27	СЗ	1–2 года
№ 10 ВСМ-I	№ 41	О	1,9	0,6	1,0	ЮВ—СЗ	+		1,25	0,6	0,37	СЗ	12–14 лет
№ 11 ВСМ-I		П	1,2	0,8	0,6	ЗСЗ—ВЮВ	+			0,25		СЗ	2–3 года
№ 13 ВСМ-I	№ 72	П	1,75	0,5	0,7	СВВ—ЮЗЗ		+	1,25	0,35		ЮЮЗ	4–6 года
№ 14 ВСМ-I		О	1,35	0,6	0,45	ЮВВ—СЗЗ		+	0,7	0,4	0,28	ЮВ	2–3 года
№ 66 ВСМ-IV		П	1,3	1,0	1,0	В—З		+	1,72	0,63–0,74	0,35	В	12–14 лет

Кат. — к какой катакомбе относится; П — прямоугольник, О — овал.

Таблица 2

Погребальный инвентарь подбойных захоронений

№ погр.	Участок, год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
№ 3	ВСМ-I 1986	+	+	+	+	+					+					
№ 4	ВСМ-I 1986															
№ 7	ВСМ-I 1986	+	+		+	+					+					
№ 9	ВСМ-I 1986															

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
№ 10	ВСМ-I 1986	+	+	+	+				+			+		+		
№ 11	ВСМ-I 1987	+	+	+								+				
№ 13	ВСМ-I 1987	+	+	+		+		+							+	
№ 14	ВСМ-I 1988	+			+	+				+			+			
№ 66	ВСМ-IV 2002	+	+		+											+

1 – бисер; 2 – бусы; 3 – серьга; 4 – браслет; 5 – бубенчик; 6 – бляшка-нашивка; 7 – монета-нашивка; 8 – «рогатая» пряжка; 9 – амулет металлический; 10 – пронизи; 11 – пуговица; 12 – бляшка; 13 – зеркало; 14 – амулет костяной; 15 – керамика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII — X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. — Вып. 2. — М., 1987.
2. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
3. *Флеров В. С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. — Вып. 1. — Волгоград, 1993.
4. *Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
5. *Бабенко В. А.* Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губернии. Дневники раскопок Верхнесалтовского могильника // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII АС. — X., 1905.
6. *Бубенок О. Б.* Етнічна приналежність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. — 1993. — № 4.
7. *Покровский А. М.* Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. — Т. 1. — М., 1905.
8. *Хоружая М. В.* Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнар. історико-археологічної конф., присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. — Луганськ, 2012.
9. *Плетнева С. А.* Хазары. — М., 1976.
10. *Хоружая М. В.* Погребения в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VIII Междунар. науч. конф. — X., 2012.
11. *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища. — Воронеж, 1991.
12. *Бородулин В. Г.* Отчет о раскопках Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1991 г. Харьков, 1991. // Архив Института археологии НАН Украины. — Ф. 24577.
13. *Семенов-Зусер С.* Раскопки коло с. Верхнего Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. — Т. 1. — К., 1949.
14. *Аксенов В. С.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2004 г. // Архив ХИМ. — X., 2005.
15. *Афанасьев Г. Е.* Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения. — М., 1993.
16. *Копыл А. Г., Татаринцов С. И.* Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990.

17. *Кравченко Э. Е., Гусев О. А., Давыденко В. В.* Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) // Археологический альманах. — № 7. — Донецк, 1998.
18. *Кравченко Э. Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Т. 4. — Донецк, 2005.
19. *Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., Петренко А. Н., Давыденко В. В.* Исследования археологического комплекса у с. Сидорова (материалы экспедиции 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Т. 4. — Донецк, 2005.
20. *Красильников К. И., Красильникова А. И.* Могильник у села Лысогоровка — новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Т. 4. — Донецк, 2005.
21. *Халикова Е. А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань, 1986.
22. *Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю.* Смерть и погребальный обряд в исламе и зороастризме. — СПб., 1997.
23. *Вебер-Келлерман И.* Обряды жизненного цикла и социальная стратификация. Семья и детство // СЭ. — 1988. — № 6.
24. *Васильева Г. П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Детские обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М., 1986.
25. *Троицкая А. Л.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. — 1935. — № 6.
26. *Аксенов В. С., Хоружая М. В.* Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности, 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
27. *Иерусалимская А. А.* Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. — СПб., 1992.
28. *Магомедов А. Х.* Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. — Орджоникидзе, 1962.
29. *Козюба В. К.* Историко-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. — 2001. — № 1.
30. *Хоружая М. В.* «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // ВХУ. — 2009. — № 852: Історія. — Вип. 41.
31. *Ковалевская В. Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. — Владикавказ, 1995.
32. *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. — Л., 1961.
33. *Каминский И. С.* Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. — Вып. I. — М., 1986.
34. *Калоев Б. А.* Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. — М., 1984.
35. *Аксенов В. С., Лаптев А. А.* К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2009. — Вып. 8.

Резюме

Хоружая М. В. Поховання у ямах з підбоям Верхньо-Салтівського катакомбного могильника (за матеріалами розкопок 1984–2012 рр.)

В роботі розглядаються матеріали дев'яти поховань у ямах з підбоям, котрі були досліджені на двох ділянках Верхньо-Салтівського могильника — ВСМ-I (8 комплексів) та на ВСМ-IV (1 комплекс). Більшість досліджених поховань розташовувалося на

незначній відстані (2–4 м) від лівої бокової стінки дромосу катакомби, з якою вони були пов'язані. У 8 з 9 похованнях кістяки людей лежали у випростаному на спині положенні з простягнутими вздовж тіла руками та прямими ногами. Тільки в похов. № 4 підлітка було покладено з напіврозворотом на правий бік зі злегка зігнутими у колінах ногами. Череп небіжчика лежав на правій скроневій кістці та був звернений лицевим відділом на північ. Подібне розташування тіл небіжчиків з розворотом лица на південь (на Киблу) при загальному орієнтуванні кістяка на північний захід характерно для ранніх мусульманських поховань середньої течії Сіверського Дінця. Досліджені поховання належали дітям (6 випадків) та підліткам (3 випадки). В 7 з 9 поховань був знайдений інвентар, котрий знаходить широкі аналогії в пам'ятках аланського населення салтово-маяцької культури Подоння та хозарського часу Північного Кавказу. Належність небіжчиків, що були поховані у ямах з підбоєм, до аланського етносу не викликає сумніву.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Верхній Салтів, поховання у ямі з підбоєм, катакомбний могильник, алани.

Summary

M. Khotyza. Burials in Pits With Kerving of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) Catacomb Burial Ground (Based on Excavations of 1984–2012 years)

The work represents materials of 9 burials in pits with kerving, which have been studied in two areas of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) catacomb burial ground — ВСМ-I (8 complexes) and ВСМ-IV (1 complex). Most of the investigated burials were located not far (2–4 m) from the dormos' left side wall of concrete catacomb burial, with which they were connected. In 8 of 9 burials, people's skeletons lay stretched out on the back with arms along the body, arms and legs were straight. Only in the burial No. 4 the dead teenager was laying half turned on the right side, with slightly bent knees. The skull of the buried rested on the right temporal bone and was directed with its facial skull to the south. A similar position of the dead people's bodies with a turn of the facial skull to the south (facing Qibla) with orienting the head of the dead to the north-west, with full absence of inventory is a characteristic of early Muslim burials at Saltovskiy monuments of the middle flow of the Seversky Donets. The investigated burials contained the remains of children (6 cases) and adolescents 12–14 years old (3 cases). In 7 of 9 burial there were funeral inventory represented. Funeral inventory finds quite wide similarities with the monuments of Alan population of Saltovo-Mayatskaya Culture of Podontsovya and Khazar time from the North Caucasus territory. The belonging of these kerving burials to the representatives of Alan ethnicity is not in doubt.

Key words: Saltovo-Mayatskaya Culture, Verchne-Saltov (Upper Saltov), burial in pit with kerving, catacomb burial ground, Alan.

